

Г.Г. Попов

«ПАТОЛОГИЯ» РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СРАВНЕНИЯ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

Российская экономика находится сейчас в состоянии кризиса, который продолжает прогрессировать, и, по мнению Минфина, еще не скоро завершится. Согласно официальным СМИ, кризис порожден обвалом финансового рынка в США, а в России усугубляется падением мировых цен на нефть.

Экономический кризис является своего рода болезнью, которая показывает способность экономической системы к выживанию. Таким образом, каким бы экзогенным не являлся нынешний кризис, выход из него будет определяться характеристиками построенной в России за минувшие два десятилетия экономической системы.

Для понимания характеристик постсоветского общества большое значение имеет метод исторической компаративистики — сравнение пути развития России с путями развития других стран. Воспользуемся же этим методом.

Условия генезиса русского и западного капитализма: больше различий, чем аналогий

Еще недавно неолиберальные круги в России отстаивали мнение, что Россия строит капитализм, проходя тот же круг развития, что и Запад два-три столетия назад. Согласно этой точке зрения, высокая преступность, теневая экономика и коррупция есть неотъемлемые составляющие процесса первоначального накопления капитала — надо, дескать, переждать. Сегодня подобные идеи выглядят наивно (как, впрочем, были наивными практически все идеи «либеральной» революции 1991–1992 гг.), хотя они и находят поддержку у определенной части интеллигенции.

На самом деле никаких аналогий между Западом времен раннего капитализма и Россией конца XX в. почти нет.

Капитализм на Западе появился в результате усиления абсолютистской власти, культурного подъема, торжества конституционных начал, взлета научно-технической мысли и колоссальных военно-политических успехов держав, этот капитализм инициировавших. Российская же среда генезиса капитализма была совершенно иной — децентрализация и упадок государственности, кризис конституционности и законности в целом, поражение в «холодной» войне. Фон, мягко говоря, не из лучших. Он скорее соответствует разваливавшейся и декапитализировавшейся в новое время Испанской империи, чем набиравшим силу Голландии, Англии и другим странам Западной Европы.

За «либеральной» революцией 1991–1992 гг. последовал экономический спад, имевший аналоги в отечественной истории только в годы гражданской войны и в период Великой Отечественной войны. Это тоже совсем не похоже на «буржуазные» революции в Западной Европе, после которых последовало укрепление экономики и новый рывок научно-технического прогресса.

Надо особо отметить и другую отличительную черту российского пути капитализма от западного. Западные общества вступали в «буржуазные» революции, уже имея развитые капиталистические структуры и рынок. Ни того, ни другого в России 1991 г. не существовало. Английское и французское революционные правительства не учились и не учили общество рыночным законам. Эти законы были хорошо известны европейцам уже с античности, они непрерывно жили по этим законам даже в периоды феодальной реакции, поскольку капитализм и рынок — это не одно и то же.

Английская «буржуазная» революция может считаться таковой только с большими оговорками, поскольку феодализма к 1640-м гг. в Англии в общем-то уже не было. В английском обществе существовали классы, а феодальные титулы во времена Стюартов уже стали чистой формальностью, дававшей, правда, в некоторых случаях власть, но эти титулы вместе с властью покупались, чтобы быть использованными для материального обогащения¹. На местном и региональном уровнях наличие феодальных титулов в Англии не имело уже никакого правового значения. Поэтому революция в Англии была скорее вспышкой борьбы капиталистических кланов, но никак не конфликтом феодальной знати

с третьим сословием. В Англии в годы диктатуры Кромвеля продолжались те же самые процессы, которые были запущены еще Тюдорами — огораживания, рост мануфактурного производства, колонизация, усиление военной мощи государства.

Во Франции конца XVIII в. мы наблюдаем схожую картину: капитализм уже там был, рынок функционировал, но общество испытывало давление, как и в Англии полутора столетиями ранее, королевской бюрократии, сросшейся с частью капиталистических кланов. Последние часто были заинтересованы в абсолютизме не меньше, чем остатки феодальной аристократии, которая активно вливалась в состав государственной бюрократии, поскольку служба была более выгодным источником дохода, нежели разорявшиеся имения. После пары лет торжества якобинства французское общество вернулось к той же привычной системе, только эта система уже была почти лишена «налета» феодализма, столь сильно раздражавшего в свое время большинство французов.

Но в России XX в. мы видим совсем другую картину.

После робких шагов по либерализации, сочетавшихся с усилениями реакции (правление Андропова, ГКЧП), происходит не только резкий обвал конституционной системы общества, но и прекращение всех запущенных ранее социально-экономических процессов. Нечто подобное имело место в 1917 г. Однако тогда большевики все-таки не решились сразу довести задуманный демонтаж рыночных институтов до конца. Потребовался перерыв, то есть НЭП, который рассматривался многими современниками (как слева, так и справа) как откат в прошлое. Только русские нерешительность и неорганизованность не позволили покончить тогда с радикальным большевизмом — так же, как во Франции в Термидоре было покончено с якобинской диктатурой (надо сказать, что идейный настрой оппозиции в 1920-е гг. был схож с идеями французских противников якобинской диктатуры).

Очевидно, между революциями в России 1917 г. и во Франции 1789 г. есть сходство. Но его почти нет в ситуации с революцией в России 1991 г. — кроме, разве, некоторых чисто технических сторон развития этих революций. Как и во Франции, оппозиция новой власти появилась внутри самого же революционного движения. Она желала частично продолжить ранее запущенные со-

циально-экономические процессы, но, так же как и в 1920-е гг., потерпела поражение. Дело в том, что даже якобинцы не стремились резко прервать начатые в прошлом социально-экономические процессы (капитализм во Франции начал развиваться еще в эпоху Ренессанса), поэтому конфликт интересов во французском обществе не был столь глубок, как в России XX в.

На то, что революционные правительства Англии и Франции в эпохи буржуазных революций, по сути, продолжали то, что начали их предшественники, указывает внешняя политика революционеров.

Стюарты (а до них Тюдоры) проводили политику англлизации ирландцев и шотландцев, эта политика была жесткой и кровавой (особенно, в Ирландии). Английская монархия преследовала цель создания единой нации на Британских островах, для чего осуществлялись многочисленные военные карательные экспедиции. Еще Тюдоры начали колонизацию Нового Света, они же поощряли мануфактуры, внешнюю торговлю и кораблестроение. Стюарты продолжали ранее выбранную линию, усилив при этом нажим на кельтов.

Кромвель с новой силой продолжил то, что начали Тюдоры, — он как будто следует по их стопам (особенно это касается его ирландской политики). По сути дела, кризис династии Стюартов был результатом того, что Яков I и Карл I не смогли эффективно продолжить ранее начатые процессы. Для решения старых задач потребовалась новая власть.

Во Франции мы можем видеть то же самое, что и в Англии. Якобинцы, Директория, а затем Наполеон продолжают политическую линию Бурбонов — активная колониальная экспансия, продолжение борьбы с Англией (англо-французская дуэль), военное давление на германские государства, стремление установить контроль над Испанией. Такое впечатление, что Наполеон продолжал реализацию внешнеполитических идей Бурбонов.

Российское либеральное правительство начала 1990-х гг. вовсе не стремилось продолжить имевшие место чуть ранее социально-экономические процессы.

В отличие от своего западного прообраза, капитализм в России стал детищем «либеральной» революции, а сама эта революция возникла не на волне острых желания и потребности

общества продолжать начатые ранее социально-экономические процессы. Капитализм и рыночная экономика стали с тех пор прочно ассоциироваться в умах россиян с кризисом законности, упадком государственности и спадом в экономике. Ничего подобного в сознании западных европейцев не было — их генезис капитализма не совпал точно по времени с «буржуазными» революциями и крупными политическими кризисами, а предшествовал им.

Таким образом, русский капитализм кардинально не похож на западный. Он имеет «патологический» характер, поскольку корни его находятся не в экономическом и интеллектуальном подъеме общества, а в кризисе, поразившем также и сознание значительной части населения.

Капитализм «братков», когда ментальности верхов и низов смешиваются

Во время Великой депрессии многие разорившиеся крупные предприниматели и банкиры в США пускали себе пулю в лоб. Они делали это не из-за страха перед юридической ответственностью, а по мотивам другого толка, — по мотивам чести делового человека. Трудно представить себе, чтобы авторы финансовых и строительных пирамид в России могли бы совершить самоубийство из-за угрызений совести перед своими акционерами или пайщиками. В допетровской Руси была такая поговорка: «Стыд не дым — глаза не выест». Именно ей, похоже, руководствуются постсоветские «герои» строительства капитализма.

Для понимания того, почему «дух капитализма» в постсоветской России ассоциируется не с протестантской этикой «честного богатства», а с жадной наживы любой ценой, необходимо вспомнить некоторые общие особенности развития в России ментальных норм.

По своей ментальности русская знать XV–XVII вв. мало отличалась от управляемой ею народной массы. В отличие от Запада Русь почти не знала особой культуры верхов, ее стал шоковыми методами вводить Петр I, чем надолго проложил пропасть между народом и аристократией. Если на Западе народ культурно тянулся за аристократией, то в России петровскими реформами народные массы и знать были разведены в разные стороны.

Первые надолго остались на том же, средневековом уровне, а вторая тянулась за западной культурой.

Как ни странно, но в советский период культурная вестернизация русских и других народов СССР продолжалась. Часть большевистских ортодоксов пыталась бороться с этим явлением, но безуспешно. Советские пролетарские низы не смогли создать никакой эффективной альтернативы западной культуре. Характерно, что в 1950–1970-е гг. советские вожди гордились процветавшим балетом — по сути своей, элементом чисто западной культуры. Как заметил Самуэль Хантингтон, Россия при коммунистах была подвержена сильной вестернизации — даже более сильной, чем в середине 1990-х гг., когда в ней начался процесс индигизации, то есть возврата к национальным и религиозным корням. Хантингтон объясняет это западными корнями марксизма (хотя проблема вестернизации России в советский период, на наш взгляд, лежит еще глубже).

В 1970–1980-е гг. нападки на коммунистов резко звучали со стороны не только либералов (типа А. Сахарова), но и со стороны русских националистов (типа А. Солженицына) именно за подавление русской национальной культуры, которая у «правых» прочно ассоциировалась с православным христианством. Действительно, советская интеллигенция (включая ее партийно-номенклатурную составляющую) была воспитана на западной культуре. Бывшие колхозники и рабочие, получив образование и оказавшись в рядах советской бюрократии, приучали своих детей к традициям западной культуры, порой не подозревая даже, насколько они вестернизируются.

Кризис советского строя породил и кризис советского варианта вестернизации общества. Поскольку в России долгое время среди народа не была распространена западная буржуазная культура с ее протестантскими, по своему происхождению, ценностями, а большевистская вестернизация масс и партийной номенклатуры не была доведена до конца, то пришедший вместе с «либеральной» революцией русский капитализм базировался на докапиталистических или отчасти на самых ранних капиталистических ценностях.

В советский период люмпенизация народных масс приобрела колоссальные масштабы. Вместе с люмпенизацией шла и

их криминализация, криминальная культура стала органической частью неофициальной народной культуры советского общества. Верхи общества к концу 1980-х гг. еще не столь сильно культурно оторвались от масс, чтобы говорить об особой элитарной культуре, которая всегда имела место на Западе. Вместо таковой в период либеральной революции появился презрительный снобизм нуворишей, передавшийся и части средней буржуазии. В ходе развития индигизации этот снобизм распространился и на ментальные представления части верхов и средней буржуазии о внешнем мире. На Запад не только стали смотреть свысока, популярность получили евразийские идеи, презирующие Запад и его ценности, включая конституционный порядок. У народных масс евразийские идеи тоже встречают поддержку, поскольку западные институты ассоциируются у них с кризисом 1990-х гг. и обнищанием.

Русский капитализм, как сказано выше, имел криминальную ментальность, поскольку население СССР было сильно криминализировано, а его номенклатурные верхи незначительно культурно оторвались от низов. Произошло массовое проникновение криминальной культуры в сферу деловой этики и неформальных институтов капитализма, которые в значительной мере вытеснили еще неокрепшие формальные институты капиталистического общества.

Докапиталистическая ментальность криминализированных народных масс постсоветского общества оказалась несовместимой с индустриальным капитализмом. Она нередко губила своих носителей в новых экономических условиях, но в то же время трансформировала и сам капитализм в крайне патологическую форму. Эта патология в основном выразилась в инсайдерском характере капитала постсоветских хозяйственных структур, построении деловых отношений преимущественно на доверии, а не на правилах соблюдения контракта, отсутствии моральной нормы исполнения взятых обязательств, решение деловых споров неформальными методами (включая криминальные).

Патология русского капитализма привела к тому, что хозяйствующие субъекты частного сектора стали структурироваться по принципам клановости и кумовства. Произошла замена рынка докапиталистическими патриархальными институтами. Это,

впрочем, характерно для большинства неевропейских обществ, только мотивы и внутреннее протекание данного процесса там несколько отличается от российской ситуации. Например, китайский капитализм в Юго-Восточной Азии имеет схожие особенности, но мотивы появления этих особенностей связаны с колониальным характером освоения китайцами данного региона, когда надо выживать среди чужих и порой враждебно настроенных туземцев.

Соблюдать правила обязательств и моральных ограничений в условиях русского капитализма стало нормой перед представителями своего «клана», но никак не за его пределами. Данный принцип лег в основу не только контрактных отношений в российском обществе, он распространился почти на все сферы жизни, включая даже и криминал. Например, недавно в одном из провинциальных городов была поймана банда грабителей детских садов, состоявшая из взрослых, здоровых мужчин. «Стыд не дым — глаза не выест» — вот принцип поведения немалой части россиян, включая и предпринимателей. Из-за этого русских стали недолюбливать и побаиваться, а тема русской мафии превратилась в одну из главных тем современного западного кинематографа.

Можно ли жить дальше с патологией?

Наступление экономической глобализации требует новых решений в сфере экономического развития. Возникает вопрос, насколько патология русского капитализма позволит решить глобальные задачи развития, в первую очередь — технологические задачи.

Достаточно взглянуть на несколько статистических показателей, чтобы понять, насколько упал потенциал российской экономики за постсоветский период. Возьмем лишь несколько базовых сегментов экономики, поскольку анализ всей экономической системы РФ — слишком глобальная задача.

В железнодорожном транспорте, как сообщил в 2007 г. президент ОАО РЖД Владимир Якунин, износ основных фондов в ряде сегментов отрасли составили 80% (износ подвижного состава — порядка 80%). За период с 1992 по конец 2007 г. не было построено ни одного нового километра железных дорог, и толь-

ко к 2030 г. планируется сократить износ основных фондов на 15%². В базовой для современной России нефтегазовой отрасли этот износ составил на 2007 г. 55% (в нефтепереработке — даже 75%). В угледобыче износ основных фондов к исходу 2007 г. достиг 80%³. По самым оптимистическим подсчетам, износ основных фондов по промышленности РФ в целом составлял 60% на середину 2005 г.

Таким образом, современная модель российского капитализма, сложившаяся в 1990-е гг., может функционировать только на базе того, что было создано в советской экономике, — проедать фонды, созданные старшими поколениями. Это — дополнительный аргумент к тезису, что российский капитализм стал не продолжением ранее начатых социально-экономических процессов, а результатом спонтанного всплеска начала 1990-х гг.

Причиной такого положения вещей является перекачка на протяжении почти двух десятилетий инвестиционных ресурсов из тяжелой индустрии в нефтедобычу. Некоторые ученые, как, например, Ю.В. Латов, полагают, что «нефтяная игла» затормозила институциональные преобразования в постсоветской России⁴. Спрос на новые основные средства есть, но у тяжелой индустрии нет достаточного объема инвестиций. Если рассуждать «по Марксу», то компонент расширенного воспроизводства у русского капитализма очень слабый. Такие модели капиталистического хозяйства мы встречаем в истории, например, Франции времен Бурбонов или же Латинской Америки XIX в.

Однако история учит, что вечного застоя в обществе быть не может, рано или поздно он сменяется преобразованиями. Вопрос весь только в том, насколько радикальными по своим формам, методам и последствиям будут эти преобразования. Будет ли это плавный, относительно безболезненный переход к новому индустриальному обществу? Либо — резкая трансформация общества, которую Россия уже не раз переживала в своей истории?

Примечания

¹ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 109–143.

² К 2030 году износ основных фондов РЖД сократится на 15%: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2007/11/27/434904.html>.

³ У экономики кончается запас прочности: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp?id=814431>.

⁴ Автор признателен Ю.В. Латову за возможность ознакомиться с рукописью его работы «Влияние нефтегазового комплекса на национальную экономическую безопасность России».